

Ливень, начавшийся еще в полночь, не утихал до самого рассвета. Ветер был не слишком сильным, так что маленькая хижина устояла, однако через стену у самого входа просочилось немало воды.

Вэй Чэну было недосуг вытирать лужи на полу — набросив соломенный плащ и обув плетеные лапти, он поспешил на огород за домом, чтобы собрать огурцы и капусту. Подбитые дождем овощи быстро гниют; он планировал отвезти их в город через пару дней, но теперь медлить было нельзя.

— Братик...

Горшочек, прижимая к груди волчонка, смотрел на него влажными, припухшими после недавних слез глазами. Голос малыша звучал совсем тихо.

Поначалу Вэй Чэн не собирался идти с деревенскими в горы, но, промучившись сомнениями всю ночь, понял: через два месяца начнется настоящий сезон дождей, и их утлый домик не выдержит натиска стихии. Утром, одевая брата, он осторожно спросил:

— Может, ты побудешь пару дней у Доумяо? Братик сходит в горы, а как вернется — сразу тебя заберет, ладно?

Мальчик, едва открыв глаза, тут же залился горькими слезами. Крупные, как горошины, слезинки градом катились по покрасневшемуся личику, а носик жалобно шмыгал:

— Не-а, Горшочек не пойдет... не пойдет к Доумяо...

Он рыдал так отчаянно, что у старшего сердце разрывалось. В конце концов юноша сдался и, вытирая брату лицо, пообещал, что никуда его не отдаст.

— Что случилось, малыш? — ласково спросил Вэй Чэн.

Горшочек выпустил волчонка и, подбежав к старшему, крепко обхватил его за ногу.

— Братик, ты куда? — обиженно протянул он.

— Пойду огурцы да капусту соберу. Земля совсем раскисла, если их сейчас не снять — сгниют ведь.

Вэй Чэн погладил Горшочка по голове и выглянул на улицу, где всё еще сеялась мелкая

водяная пыль.

— Хочешь пойти со мной?

— Хочу! — послушно отозвался малец.

— Ладно, сейчас и тебе плащ с лаптями найдем.

О снаряжении на случай дождя юноша позаботился еще в начале весны — такие вещи нужно иметь под рукой заранее, а не бежать за ними в лавку, когда небо разверзнется. Одевшись, Горшочек мертвой хваткой вцепился в руку брата, всё еще опасаясь, что тот втайне отвезет его к Доумяю.

Вэй Чэн рассмеялся и легонько коснулся пальцем его щеки:

— Да отпусти ты хоть немного, не убегу я. Если будешь так виснуть, я и шага сделать не смогу.

Горшочек вытер глаза тыльной стороной ладони и прошептал:

— Ладно.

Старший вздохнул и, присев перед ним, промакнул его щеки платком. Он знал, что брат не может без него ни минуты. Мысль пойти с односельчанами за женьшенем была жестом отчаяния. Те двадцать лянов, что у них были, предназначались на учёбу, еду и на самый черный день — на случай болезни. Тратить их сейчас было нельзя. К тому же на постройку нового дома этой суммы всё равно бы не хватило, а старый пока можно было подлатать.

Он и сам думал сходить в горы вместе с Горшочком, но быстро понял, что затея эта гибельная. Охота за женьшенем — не ловля лягушек. Зимой главную опасность представляли волки, да и найти оцепеневших земноводных в речных протоках было делом нехитрым. Но корень нужно искать в самой глуши, где сейчас проснулось всё живое: от хищных зверей до ядовитых змей и гнуса. Даже зная о необычном чутье Горшочка, Вэй Чэн не смел подвергать его такой опасности. К тому же сам он никогда не видел женьшеня и даже не знал, как правильно его выкапывать.

В загоне куры и петухи сбились в кучу, дрожа от холода. Увидев хозяина с кормом, они оживились и обступили его. Курятник юноша соорудил сам: крышей служила широкая доска, а стенами — тяжелые валуны. Тесновато, конечно, зато от ветра и дождя укрывает. Черный ослик тоже выглядел бодро. К счастью, Ли Саньлан вчера помог поставить навес, чтобы животное не пеклось на солнце, а вышло так, что укрыл его от ливня.

Накормив скотину, братья принялись за работу. Промокший до нитки волчонок, отряхиваясь на каждом шагу, преданно трусил за ними в огород. На небольших грядках стояла вода. Пока

здесь росли только огурцы, капуста да бобы; распахать больше земли Вэй Чэну было не под силу.

Пока старший выдергивал капусту, Горшочек с небывалым рвением собирал огурцы в корзинку. До тех, что висели высоко, он не доставал, зато старательно обрывал нижние. Волчонок Синьэр следовал за ним шаг в шаг. Стоило малышу пропустить какой-нибудь огурец, зверь издавал короткий «тяв» и лапой подталкивал корзинку к нужному месту.

Мальчик ласково обнимал Синьэра и тянулся за пропущенным плодом. Вэй Чэн, наблюдая за ними, только диву давался: этот волчонок соображал получше иного человека.

Неизвестно, как обстояли дела у соседей, но с их крохотного клочка земли они собрали по две полные корзины овощей каждого вида. Вернувшись в дом, старший велел брату играть с волчонком, а сам принялся вычерпывать воду у порога. Едва он закончил, как снаружи снова зашумел сильный дождь.

— В город сегодня, видать, не попадем, — сказал он Горшочку. — Часть овощей оставим на завтра, а из остального сделаем запасы. Капусту засушим, а огурцы засолим — зимой с кашей будет в самый раз.

Горшочек, вытирая шерстку Синьэра, спросил:

— А как же... отпроситься у учителя?

Малыш крепко запомнил, что в школу нужно являться вовремя, а если не можешь — нужно предупредить.

— Погода разгулялась не на шутку, — успокоил его брат. — Учитель знает, что мы живем в горах, и поймет, что в такой ливень нам не добраться. Волновать он не станет.

Вместе они перемыли овощи. Затем Вэй Чэн отправил брата играть, но тот не ушел, а устроился на маленькой скамеечке, не сводя с него глаз. Юноша улыбнулся и ласково потрепал его по пучку волос на макушке:

— Иди, поиграй. Братик теперь всегда будет брать тебя с собой.

— Не-а, — Горшочек неловко подтянул скамеечку еще ближе к нему. Вэй Чэну осталось только с улыбкой качать головой.

Он опустил вымытую капусту в котел с кипящей водой, пару раз помешал и тут же вынул, переложив в холодную воду. Ошпаренные листья потемнели, потеряв свежий аромат, но теперь их можно было разложить на плетеных подносах, чтобы позже высушить на солнце.

Не давая себе отдыха, он принялся резать огурцы на длинные полоски. Соли у них было припасено вдоволь, иначе на заготовки бы не хватило. Присыпанные солью овощи начали пускать сок. Пока они настаивались, Вэй Чэн занялся маринадом: в ход пошли соевый соус, уксус и, самое главное, острый перец. Когда котел раскалился, по дому поплыл дразнящий аромат пряностей.

Он разлил маринад по кувшинам с огурцами и плотно их запечатал. Получилось три небольших глиняных горшочка. Пусть работа и была тяжелой, юноша трудился с охотой — зимой эта добавка к столу будет очень кстати.

А дождь снаружи всё не утихал. Небо потемнело, и скворь раскаты грома слышался завывающий ветер, трепавший солому на крыше. Звук был зловещим. Горшочек спрятал лицо на груди у брата, крепко зажав уши ладошками.

— Братик, Горшочку страшно... — прошептал он.

Вэй Чэну и самому было не по себе, но он лишь ласково гладил брата по вздрагивающей спине:

— Не бойся, я рядом.

Он с тревогой смотрел на воду, скопившуюся в маленькой хижине, которая поднялась уже почти до колена.

***

Ливень прекратился только к полудню. Горшочек к тому времени уже уснул. Уложив его поудобнее, Вэй Чэн принялся вычерпывать воду. Старая деревянная дверь от сырости начала рассыхаться и крошиться; было ясно — долго она не прослужит.

На следующее утро небо оставалось свинцовым. Тяжелые тучи сбились в одну сплошную массу, словно копили силы для нового удара.

Братья рано запрягли ослика и отправились в город. Вэй Чэну нужно было первым делом зайти в школу и отпроситься на несколько дней — стены хижины начали трескаться от влаги, и ремонт нельзя было откладывать.

Горшочек, сидя на циновке, сиял от счастья. Он без умолку болтал с Синьэром, которого они решили взять с собой — оставлять волчонка одного в такую погоду было боязно. Чтобы зверь не убежал и не пугал людей, его посадили в глубокую плетеную корзину.

— Братик! — радостно крикнул Горшочек. — Ослик бежит очень быстро!

Вэй Чэн оглянулся на него с улыбкой:

— Сиди смиренно, не ровен час свалишься.

Благодаря урокам Ли Саньлана, он быстро освоил управление тележкой. Дорога после дождя превратилась в месиво, и поначалу юноша опасался, что ослик поскользнется и перевернет их вместе с корзинами овощей. К счастью, черный осел был взрослым и опытным зверем, давно вышколенным прежним хозяином. Он шел уверенно и ровно, ни разу не сбившись с шага.

Подъехав к частной школе, они обнаружили, что ворота плотно заперты, а вокруг ни души. Вспомнив, что Чжугэ-фуцзы живет в небольшом переулке неподалеку, Вэй Чэн направил ослика туда. Не успели они проехать и половины пути, как до них донеслись громкие крики.

— Учитель, ну что вы заладили! Вы же из кожи вон лезете, чтобы спасти госпожу! К чему этот гонор? Возьмите же деньги!

В ответ раздался дрожащий от ярости голос Чжугэ-фуцзы:

— Чжоу Фэн! Забирай свое барахло и проваливай!

— Да из-за вашего упрямства болезнь матушки-наставницы только сильнее затягивается! — не унимался юноша. — Коли бы вы не ломались и брали подношения, она бы уже на ноги встала!

— Прочь! С глаз моих долой! Нет у меня такого ученика! — гремел учитель. — Если ты думал, что я скрою от твоего отца твою лень, купленные стихи и похабные книжонки, то ты ошибся! Я уже сказал главе школы, что больше не стану тебя учить!

Чжоу Фэн, покраснев от злости и стыда, выкрикнул:

— Ах ты, старый хрыч! Твоя жена одной ногой в могиле, ест одни помои, а ты и дальше гордишься своей честностью! Посмотрим, на какие шиши ты ей гроб покупать будешь, когда она преставится!

— Ты... ты, мерзавец! — Чжугэ-фуцзы пошатнулся, лицо его побледнело.

Юноша хотел было добавить еще какую-то гадость, но вдруг перед его глазами мелькнули черные копыта. Ослик, ведомый твердой рукой Вэй Чэна, едва не задел его. Чжоу Фэн отпрянул, поскользнулся на грязи и с размаху шлепнулся в лужу, прямо в дорожную жижу!

Свертки, которые он держал, разлетелись по земле. Он пришел к учителю втайне от отца и слуг, боясь, что те узнают о его вчерашней выходке в школе. Утирая лицо и отплевываясь от грязи, он поднял голову и, узнав обидчика, взвизгнул:

— Вэй Чэн! Ты как смеешь?!

Вэй Чэн натянул вожжи и холодно ответил:

— Ты сам встал посреди дороги и орал всякие гадости, не достойные даже пса. Мой осел испугался твоего крика. Это мне еще стоит с тебя спросить за беспокойство!

— Да твой паршивый осел гроша ломаного не стоит! Ты хоть знаешь, кто мой отец? Он богатейший человек в городе!

Вэй Чэн лишь усмехнулся:

— И что с того? Уверен, если господин Чжоу узнает, как его сын ведет себя с учителем, он сам первым сгорит от стыда за такого наследника!

Он не прогадал: стоило упомянуть отца, как Чжоу Фэн осекся. Спешно отряхнув грязь и подобрав свои пожитки, он бросил опасливый взгляд на Чжугэ-фуцзы, а затем злобно зыркнул на Вэй Чэна:

— Ты у меня еще поплатишься!

Вэй Чэн даже бровью не повел. Этот человек был обычным трусливым пустозвоном.

— Учитель!

Горшочек подбежал к Чжугэ-фуцзы и обхватил его за ногу.

— Не надо... не надо сердиться, — он указал пальчиком вслед уходящему юноше. — Он — плохой мальчик!

Лицо учителя было мертвенно-бледным, губы посинели. Он тяжело дышал, прижимая ладонь к груди. Ласково погладив Горшочка по плечу, он прошептал:

— Не бойся, малыш. Всё хорошо.

Вэй Чэн хотел было помочь ему дойти до дома, но учитель лишь отмахнулся, стараясь перевести дух. Через пару минут ему стало лучше, и он пригласил братьев в дом, сказав, что хочет проверить их успехи.

— Учитель, вид у вас неважный, — обеспокоенно проговорил Вэй Чэн. — Позвольте, я сбегаю за лекарем.

Чжугэ-фуцзы вдруг приложил палец к губам. Вэй Чэн не успел удивиться, как из дома вышла бледная, крайне истощенная женщина.

— Вэй Чэн приветствует матушку-наставницу, — поклонились братья.

У-ши попыталась ответить, но зашлась в тяжелом кашле. Прикрыв рот платком, она слабо улыбнулась:

— Слышу — шум на улице. Оказывается, это вы в гости пожаловали. Муж часто говорил, что в этом году к нему пришел на редкость одаренный юноша. Должно быть, это ты и есть.

Затем она наклонилась к Горшочку. В её измученных болезнью глазах засветилась непритворная нежность.

— А ты, стало быть, тот самый Горшочек, который любит всё на свете, кроме книжек? Учитель говорил, что ты само очарование, а я-то думала — приукрашивает. Но сегодня вижу — и впрямь чудесный ребенок.

Малыш зарделся от похвалы. Он уже не так смущался мужчин, но перед красивыми женщинами всегда терялся. Прижавшись к колену брата, он тихо прошептал:

— Матушка-наставница такая красивая...

Ни одна женщина не останется равнодушной к искреннему восторгу ребенка. У-ши улыбнулась шире:

— Я ведь совсем иссохла от хвори, а твой маленький ученик всё равно называет меня красавицей.

Учитель бережно обнял её за талию, усаживая на стул:

— Истинная красота в сердце, а не в коже. Для меня ты всегда прекрасна.

Матушка-наставница принялась расспрашивать Горшочка, и тот охотно ей отвечал. Тем временем Чжугэ-фуцзы велел Вэй Чэну подождать — он хотел дать ему несколько книг для домашнего чтения.

Окинув взглядом чистый, но крайне бедный дворик, юноша заметил повсюду жаровни для приготовления лекарств. На столе в комнате, где только что завтракали супруги, стояла лишь жидкая рисовая каша да пара мисок с соленьями. Он вспомнил рассказы других учеников о том, как дорого стоят снадобья для У-ши, и понял, почему жизнь его наставника так сурова.

Вэй Чэн поднялся и молча вынес из тележки обе корзины с овощами. Чжугэ-фуцзы, как раз выходящий с книгами, всплеснул руками:

— Вэй Чэн, это еще зачем?

Скрыв, что вез овощи на продажу, юноша почтительно произнес:

— Учитель, в деревне у нас огурцы да капуста уродились на славу. После вчерашнего дождя я испугался, что они сгниют на корню, и собрал всё, что мог. Нам двоим столько ни в жизнь не съесть, вот я и решил — пусть лучше у вас на столе будут.

Он опустил глаза, изобразив легкое смущение:

— Овощи эти простые, крестьянские, но вырастили мы их с братом сами. Не побрезгуйте, примите наш скромный дар.

Чжугэ-фуцзы не нашел слов для возражения. Глядя на свежую зелень, он невольно вздохнул. С тех пор как жена слегла, они почти не видели свежих плодов — ведь одна лишь добавка женьшеня в её отвар стоила больше двадцати лянов! Если бы не крайняя нужда, они бы и вовсе голодали.

Учитель посмотрел на Вэй Чэна. Будучи старше его на добрых тридцать лет, он прекрасно понял истинный смысл этого жеста. Положив руку на плечо юноши, он негромко сказал:

— Как я могу брезговать... Спасибо тебе, Чэн.

— Если вам будет угодно, — добавил Вэй Чэн, — мы с братом и впредь будем привозить вам овощи. Всё равно у нас их в избытке.

На это учитель согласия не дал, велел остатки продать в городе — мол, вам самим деньги нужны. У-ши наблюдала за ними со смешанным чувством. Ей было горько от того, что она стала обузой для мужа, но в то же время она радовалась, что на склоне лет судьба послала ему такого преданного ученика.

Погода портилась, и Чжугэ-фуцзы не стал их задерживать. Вручив книги, он еще раз напомнил, что ремонт дома — не повод забывать об учёбе. Глянув на Горшочка, он улыбнулся:

— Когда вернешься к занятиям, я научу тебя рисовать цветы сливы.

Глаза малыша загорелись восторгом:

— Ура! Горшочек научится!

Он уже прикидывал, сколько серебра принесет ему новый рисунок.

Братья не стали медлить и сразу направились к выходу из города. Едва они доехали до подножия горы, где стоял их дом, дорогу им преградили Мо-фулан, лекарь Цяо, Доумяо и староста Ли.

Староста выглядел крайне встревоженным:

— Чэн, живо в дом! Хватай всё самое ценное и грузи на телегу! Старики говорят — к полудню с гор сойдет сель! Твоя мазанка и так на ладан дышит, её первым же потоком снесет!

Сыновья семьи Ли и лекарь Цяо тут же запрыгнули в тележку:

— Гони скорее, мы поможем вещи собрать!

Вэй Чэн впервые столкнулся с такой бедой, но волю чувствам не дал. Стегнув ослика, он во весь опор помчался к дому. Едва они поравнялись с хижинкой, небо вновь расколосось от грома.

Работа закипела мгновенно. Парни ловили кур, лекарь Цяо и Мо-фулан выносили котел и утварь. Доумяо, охая, тащил одеяла. Горшочек, бледный от страха, забрался на кан и крепко прижал к груди свой заветный медный горшочек с деньгами.

— Братик, наш домик... — прошептал он со слезами на глазах.

Вэй Чэн подхватил брата одной рукой, другой сворачивая циновку. Голос его звучал твердо:

— Не бойся, малыш. Я рядом. У нас обязательно будет новый дом, еще лучше прежнего!

<http://bllate.org/book/15346/1413164>